

РУССКИЙ ЯЗЫК

УДК 811.161.1 ' 33:801.81

Алефиренко Н.Ф., Семененко Н.Н.

Старооскольский филиал Белгородского государственного университета

РУССКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ И ПАРЕМИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА: КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ*

N. Alefirenko, N. Semenenko

Stariy Oskol branch of Belgorod State University

RUSSIAN MENTALITY AND PARABLES' SEMANTICS: COGNITIVE-PRAGMATIC ASPECT OF THE PROBLEM

Аннотация. Ментальность рассматривается как подсознательный, архетипический остов этноязыкового сознания. Паремии – яркие репрезентаторы тех ментальных установок, которые способствуют сохранению самобытности этнической культуры и нацеливают сознание носителей языка на стереотипичные для русской культуры поведение и оценку жизненных ситуаций. Паремический жанр в силу особенностей своей семантики характеризуется различным набором средств выражения ментальных категорий, что соответствует их когнитивно-прагматическому статусу.

Ключевые слова: паремии, когнитивная прагматика, ментальность, когнитивная структура паремии.

Abstract. Mentality is regarded as a subconscious archetypal focus on the system of attitudes of ethno-linguistic awareness. Parables are the representatives of those mental characteristics that contribute to the maintenance of ethnic identity and point the native speakers' consciousness at Russian stereotypical behavior and life rating. Parables' genres due to their semantic peculiarities are characterized by numerous means of expressing mental groups that corresponds to their cognitive-pragmatic status.

Key words: the parables, cognitive pragmatics, the maintenance, structure of a parable.

Ментальность – феномен, постижение которого требует привлечения междисциплинарного, комплексного подхода, поскольку сам характер ментальности труднообъясним с позиции одного методологического ракурса. Возможность использования данных смежных лингвистических дисциплин, направленных на постижение сущности русской ментальности, связана как с упрочнением антропоцентрически ориентированных лингвистических исследований, так и с возникновением в эпоху лингвистического постмодернизма потребности в синергетическом (нелинейном) представлении когнитивных процессов средствами непрямо номинативного знакообозначения. Ментальность как «малоосознаваемый, глубинный уровень общественного сознания... тесно связана с языком, образом жизни, мировоззрением, традициями и культурой социальных структур и среды обитания человека» [3, с. 323], что и относит её языковые репрезентанты к предмету рассмотрения современной когнитивной лингвокультурологии. Данное научное направление использует понятие «ментальность» в

* © Алефиренко Н.Ф., Семененко Н.Н.

Выполнено в рамках Госконтракта № П1306

двух смысловых ракурсах: во-первых, когда говорят об этнической или социальной обусловленности нашего сознания и, во-вторых, когда пытаются обосновать истоки духовного единства и целостности народа. Таким образом, понятие ментальности становится базовым при рассмотрении языкового выражения этнического менталитета и определяется как система типичных проявлений в категориях родного языка своеобразного (сознательного и бессознательного) восприятия внешнего и внутреннего мира, специфическое проявление в процессах познания национального характера, интеллектуальных, духовных и волевых качеств этнокультурного сообщества. При подобном подходе возможно учитывать функционально-семантические и категориальные особенности различных языковых единиц, репрезентирующих те или иные черты русской ментальности, поскольку именно подсознательная реакция «запускает» универсально-предметный код в его категоризирующей функции. Роль языка в выражении ментальных стереотипов, таким образом, заключается в концептуализации и стереотипизации ментальных проявлений.

Паремии как фольклорно-речевые образования, выражающие этнокультурный стереотип в афористической форме, играют особую роль в выражении русской ментальности. Паремический фонд русского языка – результат многовекового развития ряда афористических жанров, каждый из которых выполняет свой комплекс функций. Данные функции, с одной стороны, сопряжены с процессами обработки, хранения и трансляции культурно значимой информации (когнитивный аспект функционирования паремий), и в то же время обуславливаются ведущим коммуникативным назначением паремий – передачей от поколения к поколению стереотипических представлений, оценок и рекомендаций относительно устройства сферы мироздания, социума и личности. Характеризуя жанровое многообразие, идейно-художественную самобытность и структурно-семантическую полифонию русских паремий, Г.Л. Пермяков отмечает особую

их роль в ряду языковых клише именно по причине их фольклорной природы и ситуативной обусловленности семантики: «Как и все фольклорные тексты, паремии обладают той или иной темой <...> Аналогично басням, анекдотам и сказкам и в противоположность словам и фразеологическим оборотам, все без исключения паремии ситуативны, т. е. не только употребляются в той или иной ситуации, но и сами эту ситуацию моделируют или же означают» [6, с. 301]. Именно ситуативная природа паремического знака и фольклорное «стремление» к обобщению и стереотипизации обуславливают высокий потенциал паремий в репрезентации русской ментальности.

Следует отметить и тот факт, что паремии как средство выражения ментальности имеют выраженную специфику как на фоне иных единиц косвенно-производной номинации, так и внутри самой паремической жанровой парадигмы. В частности, пословицы, поговорки, приметы и загадки характеризуются различным семантико-прагматическим потенциалом в выражении русской ментальности. В данном исследовании речь пойдёт о способности различных паремических жанров выражать отдельные ментальные характеристики, связанные с природой паремической прагматики: стремлением к обобщению и типизации. Соответственно, такие характеристики русской ментальности, как «Мессианство», «Терпение», «Великодержавность», «Официозный патриотизм», в ходе интерпретации паремической семантики обнаруживаются значительно реже, чем «Вера», «Ожидание чуда», «Коллективизм/Соборность», «Патриотизм». Отмеченная ментальная ориентация паремий вполне совпадает с их статусом средств выражения наивной картины мира. Вместе с тем, тематический анализ пословиц и поговорок, как паремических жанров, наиболее склонных к сентенциям, показывает, что существенными для выражаемых в них стереотипичных представлений являются такие свойства народного мышления, как «догматизм», «фатализм», «чёткая идентификация» и «нетерпи-

мость к чужим/чужому».

Как нам кажется, весьма показательным в качестве иллюстрации к выше приведённым положениям о способности паремий репрезентировать ментальные характеристики может выглядеть анализ способов выражения **фатализма**, вербальная объективация которого весьма последовательно обнаруживается в различных тематических блоках всех без исключения паремических жанров. Собственно же ментальная специфика русского народа, при этом выражается не столько в тематической отнесённости паремий, сколько во взаимодействии общего прагматического «фона» паремической семантики и её когнитивного основания. Способы выражения фатализма посредством паремических жанров, на наш взгляд, обусловлены такими факторами, как (1) тематическая отнесённость, (2) структурно-категориальные характеристики, (3) функционально-прагматические особенности и (4) характер когнитивного основания семантики конкретного паремического жанра. Рассмотрим перечисленные факторы на конкретных примерах.

Пословицы – паремический жанр, в котором максимально выражена склонность к морализаторству и поучению. Соответственно, тематический спектр пословиц, выражающих категорию фатализма, будет достаточно широк. Причина тому – сама ведущая прагматическая функция паремий: пословица не просто нацеливает на верную, с точки зрения социума, оценку события, но и моделирует ряд ситуаций, которые объёмно и полифонично представляют всё многообразие компромиссных оценок и обобщающих выводов. Например:

1) фатализм и смирение: *Не узнав горя, не узнаешь и радости* [1, с. 31] – ‘будь готов к несчастью, отнесись к нему со смирением’ (тематическая группа «Счастье/Горе»);

2) отсрочка фатального события: *Смерть не близко, так и не страшно; а близко – знать не миновать; Не страшай: придёт смерть и без твоих гроз* [1, 139] – ‘не бойся беды раньше времени, но знай, что она неизбежна’ (тематическая группа «Жизнь/Смерть»);

3) напрасность действий против судьбы: *Бояться себя заставишь, а любить не принудишь; Коли не мил телом, не прирубишься делом* [1, с. 465] – ‘любовь неподвластна человеческим намерениям и действиям’ (тематическая группа «Любовь») и т. д.

Помимо тематической отнесённости выражению фатализма в пословицах способствует сама афористическая форма. Вообще, эффект, производимый формой пословицы, сродни гипнотическому – лаконичное, ритмически и фонетически организованное высказывание вызывает подсознательное доверие к содержанию пословицы. Пример тому явление в пословичном фонде единиц, которые мы квалифицируем как афористические формы, лишённые афористического содержания – псевдопословицы. Например: *Тот будет рад, кто найдёт клад* [7, с. 402] – констатация факта; *Лестное слово что вешний день* [7, с. 203] – поэтическое сравнение; *Непригоже есть лёжа* [7, с. 284] – ироничная оценка и т. д.

Способствует выражению фатализма в пословицах и когнитивное основание их значения: фреймовая семантика паремий соответствует их коммуникативной природе – сообщать о стереотипном видении типичной ситуации. При этом сложно говорить о целостной репрезентации фреймовой структуры в тексте пословицы, поскольку собственно структурные связи фрейма чаще всего «выходят» за пределы одной паремической единицы, создавая, таким образом, своеобразный фрагмент ментальной сети. Например:

1) *На себя работать не стыдно* [1, с. 380] (когнитивная структура «Работа» + «Достоинство»);

2) но *Хочется есть, да не хочется в подпол лезть* [1, с. 312] (когнитивная модель «Работа» – «Лень»);

3) при этом *На работу позадь последних, на еду наперёд первых* [1, с. 311] (когнитивная модель «Работа» + «Своё/Чужое») и т. д.

Поговорки в системе паремических жанров стоят несколько особняком, основная причина тому – совмещение свойств афориз-

ма и фразеологизма в рамках фольклорной формы. Очевидная, на первый взгляд, тематическая близость пословиц и поговорок при более пристальном рассмотрении кажется уже не столь значительной. Причина тематических особенностей поговорок заключается в отсутствии у них выраженного умозаключения, что не позволяет поговоркам «касаться» тем абстрактно-философских и относит данный паремический жанр преимущественно к области образной номинации черт характера, внешности, поведения, отдельных пороков и добродетелей, а также действий, свойств и состояний, подверженных экспрессивной оценке. Например: *Масть пошла, а деньги кончились* [4, с. 387] – ‘несправедливость судьбы’; *Ни день, ни ночь* [4, с. 184] – ‘никогда’; *Мама, родим меня обратно* [4, с. 382] – ‘так больше невозможно’; *Рожа – хоть репу сей* [4, с. 567] – ‘неровная кожа лица’; *Завалить рот шишками* [4, с. 569] – ‘замолчать’; *В голую горсть не сгребёшь* [4, с. 157] – ‘упрямый’ и т. д.

Поговорка чрезвычайно категорична в оценке денотата – охарактеризованная с помощью поговорки ситуация имеет однозначный исход (определяемый выраженной в паремии оценкой). Например: *Дуром дуреть* [4, с. 205] – ‘сходить с ума’ и в результате ‘лишиться покоя и благополучия’; *Узнать, чем крапива пахнет* [4, с. 326] – ‘понести жестокое наказание’, которого ‘не избежать’; *Не всякое лыко в строку* [4, с. 374] – ‘ошибка, которую не стоило ставить в вину’ – ‘неизбежность ошибки для тех, кто любит обвинять других’ и т. д.

Фатальные мотивы для поговорок, таким образом, являются следствием реализации их прагматического фона – предупреждение о тех качествах, действиях и явлениях, которые могут стать предметом негативной оценки или вести к неприятным последствиям. Выражается фатализм в поговорках и на уровне тематической номинации:

1) обозначение тех, кому ‘от рождения определена судьба’: *Кухаркины дети, От роду не в воду, Всосал с молоком матери* [2, с. 30];

2) характеристика ни к чему не пригодных

людей – ‘неисправимых’: *Пятое колесо в телеге, Отставной козы барабанищик, Жил не жилец и умер не покойник* [2, с. 35]; ‘сроднившихся с горем, неудачей’: *Горе, лыком подпоясанное* [2, с. 35];

3) указание на ‘неотвратимость наказания’: *Верёвка по нему скучает, Быть ему в раю – где горшки обжигают* [2, с. 50]; или на ‘неисправимость зла’: *Он и душу чёрту продаст, а деньги заложит* [2, с. 50] и т. д.

Приметы склонны к выражению фатализма, прежде всего, в силу своей основной прогностической функции. В выражении прогноза приметы близки к таким фольклорным формам, как гадания и поверия, причём, как отмечает В.К. Харченко, большинство исследователей примет не отграничивает их от указанных форм [10, с. 10-11]. Действительно, форма гадания (предсказания по результатам магических действий) и обрядовая сущность поверия (опора на ритуальные действия) свойственны приметам, которые отличаются от данных речевых единиц чёткой афористической формой и стремлением к истолкованию события, а не к его моделированию, как у гаданий, или к формированию устойчивых ритуальных действий, как у поверий. Тем не менее, и примета, и схожие с ней фольклорные формы выражают не просто стереотипные суждения, а самые настоящие предрассудки и предубеждения, что сама по себе предполагает абсолютную веру в прогнозируемый исход – тот самый фатализм.

Например, фатализм заметно выражен у тех примет, которые содержат конкретные рекомендации по избеганию неприятных ситуаций или «приближению» желанного события: *Если вам снится бедуин – вам нужно проявить осторожность* [5, с. 160]; *Нельзя бриться в полёте, чтобы не было катастрофы* [5, с. 106]; *При ношении на теле любой части растения львиный зев вы будете ограждены от обмана, лжи* [5, с. 115]; *Девушка пришивает пуговицу на парне – к себе его пришивает* [5, с. 117]. Несмотря на указание счастливого пути, данные приметы транслируют такой же неизбежный прогноз, – при

этом манипулятивная, магическая составляющая рекомендации лишь усиливает эффект неизбежности.

Для выявления предпосылок к выражению в приметах фатализма как ментальной характеристики важно уяснить особенности её когнитивного основания. Сценарий, лежащий в основе фреймовой семантики приметы разворачивается в условиях, чётко обозначенных самой двухчастной формой паремии: *Если лошадь ест корм, закрыв глаза, скоро умрёт* [5, с. 116]; *Ель перед ясной погодой ветви поднимает вверх* [5, с. 308] и т. д. Именно сценарное воплощение когнитивной модели способствует инкорпорации фреймов ситуаций наблюдаемой и прогнозируемой, а деление событийного плана приметы на событие-причину и событие-следствие усиливает эффект неизбежности второго. Например: *По пятницам беременной волосы расчёсывать нельзя – Параскева Пятница не поможет при родах* [5, с. 195] – наблюдается инкорпорация фрейма «Гигиена беременной» с фреймом «Помощь русских святых» посредством сценарного развёртывания событийного плана, соотносимого с фреймами. Аналогично в приметах *Корове обязательно надо дать кличку: без клички корова – мясо, скоро придёт её зарезать* [5, с. 195] – (фреймы «Скотина» и «Пища»), *Если дождь на Василия Капельника (12 марта), быть лету тёплому* [5, с. 441] (фреймы «Святки (календарь празднования православных святых)» и «Погода» и т. д.

Загадки, так же как и приметы, характеризуются статусом речевого произведения, чему способствуют их смысловая самостоятельность и наличие сюжета. Алгоритмичность семантики как подразумеваемая у текста загадки поэтапная расшифровка признаков, в итоге формирующих образ отгадки, не составляет иных вариантов прочтения внутренней формы, тем самым выражая неизбежность проявления признаков денотата. У загадки, так же как и у приметы, фатализм выражается не посредством тематической отнесённости суждения/высказывания, а с помощью логики подхода к репрезентации

ситуации. Например: *Не пахарь, не столяр, не кузнец, не плотник, а первый на селе работник (Лошадь)* [8, с. 116]. Паремическое суждение, выраженное в загадке, утверждает основное предназначение лошади – рабочее. Само суждение достаточно банально, но форма его метафорического выражения в высшей степени креативна. Так, если идти по стандартному алгоритму отгадки, то *не пахарь, не столяр, не кузнец* может трактоваться как «неживой работник». На первый взгляд, этим работником может оказаться какое-нибудь орудие труда, но при этом возникнет несоответствие противопоставляемым образам труженика: *пахарю, столяру и кузнецу* – сложно найти орудие труда, которое будет относиться или ко всем трём, или ни к кому. Таким образом, загадка под противоположностью живого скрывает такое же живое, но являющееся человеком, – загадка буквально подталкивает к отгадке, как к неизбежному финалу размышлений, столь, на первый взгляд, неочевидных.

Образно-логическое моделирование ситуации, лежащее в основе когнитивной структуры загадки, также в определённой мере способствует выражению категории фатализма, поскольку оно воплощает тот самый алгоритмизированный сценарий, который лежит в когнитивном основании паремии. Например, в загадке: *На печке Хам, на полатах Хам, по лавке Хам, по полу хам; пошёл Хам из окошка вон (Дым курной избы)* [8, с. 44], – моделируется ситуация, основанная на образе вездесущего явления с «говорящим» именем (Хам – «наглый», «неотвязчивый», «неприятный»). Фрейм загадки – «Курная изба» реализуется в сценарии, алгоритм которого разворачивается в соответствии с логикой поиска признаков для отгадки: *на печке и на полатах* – «в верхней части избы», *по лавке и по полу* – «в нижней части избы», то есть – «повсюду», а *пошёл из окошка вон* – «его вытягивает из избы». Вообще, наблюдения над алгоритмами русских загадок позволяют предположить, что фольклорная сущность загадки – игровая – достаточно условна. Паремия «подталкивает» не столько к обна-

ружению отгадки, сколько к уяснению механизма рассуждения, к овладению внутренней логикой бытия в его безусловной связи денотата и его качеств. Таким образом, фатализм загадки заключается в её обязательной привязке к отгадке, ведь только так, «с двух сторон», можно уяснить логику образной номинации.

Таким образом, в ходе осмысления проблемы описания ментальных репрезентаций посредством русских паремий хочется отметить, в первую очередь, многообразие способов в выражении ведущих характеристик русского менталитета, которое мы обнаруживаем в ходе сопоставительного исследования паремических жанров. Каждая жанровая разновидность народных афоризмов, в соответствии со своим категориально-функциональным статусом и когнитивным основанием семантики характеризуется определённым потенциалом в выражении характеристик русской ментальности. При этом, следует отметить, что речь идёт не о целостном феномене русского менталитета, а о том его аспекте, который связан с народнопоэтическим и фольклорно-мифологическим мышлением. Важным кажется и тот факт, что ведущую роль в характеристике

ментальности паремии играет её когнитивно-прагматическая функция, то есть прагматическая нацеленность коммуникативного потенциала паремии, обуславливающая, в свою очередь, и собственно языковые механизмы выражения ментальности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Даль В.И. Пословицы русского народа. – М., 2005.
2. Зимин В.И. Пословицы и поговорки русского народа: большой объяснительный словарь. – Ростов н/Д., 2008.
3. Кондаков И.М. Психология. Иллюстрированный словарь. – СПб: прйм-ЕВРОЗНАК, 2007.
4. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. – М., 2008.
5. Никитина Т.Г. Большой словарь примет. – М., 2009.
6. Пермяков Г.Л. К вопросу о структуре паремиологического фонда // Языковая природа афоризма. Очерки и извлечения. – Могилёв, 2001.
7. Русские народные пословицы и притчи / Сост. И.М. Снегирёв. – М., 1995.
8. Садовников Д.Н. Загадки русского. – М., 1960.
9. Соколов В.М. Российская ментальность и исторические пути Отечества: Записки социолога. – М., 2007.
10. Харченко В.К. Лингвистика народной. – Белгород, 2008.